

[08 . 01 . 2003]

Возвращение

Джедая

Последнюю точку в своем азиатском турне Президент России Владимир Путин поставил в Бишкеке. Здесь, в небольшом городке Кант, в 30 километрах от аэропорта киргизской столицы “Манас”, была торжественно открыта **российская военная база**.

База в Канте стала первой военной базой в новой истории России, открытой за ее пределами. Все остальные базы, которые Россия держит в странах СНГ, остались под российской юрисдикцией благодаря стечению различных обстоятельств, проявившихся в процессе распада СССР. Практически всегда это было связано с тем, что бурные политические процессы в тех или иных республиках бывшего СССР приводили к невозможности передать военное имущество какому-либо легитимному и стабильному правительству. Исключением, наверное, является только Армения, где военные базы России были сохранены по желанию армянской стороны. Да и то это было связано с острой потребностью Еревана в российской поддержке в условиях карабахского конфликта.

Там же, где ситуация была стабильной, военные объекты бывшего СССР переходили под контроль местных правительств. Например, так это произошло в Казахстане, Белоруссии, на Украине. Правда, отдельные стратегически важные объекты в этих странах Москва оставляла под своим контролем, заключая по ним дополнительные соглашения. Такими объектами были Черноморский флот, космодром Байконур, полигон “Сарышаган” и некоторые другие.

В остальных случаях российские базы оставались там, где ситуация была более чем нестабильна. Это 14-я армия в Приднестровье, базы в Гудауте, Ахалкалаки, Батуми – в Грузии, и, наконец, 201-я мотострелковая дивизия в Таджикистане. Последняя ситуация – вообще уникальный случай.

Распад государственности в Таджикистане вследствие непрекращающихся митингов и своеобразного восточного понимания

процессов демократизации привел к тому, что 201-ю дивизию вообще было некому передавать. В итоге после долгих раздумий о роли российской армии в Москве приняли непростое решение использовать в 1992 году 201-ю дивизию для наведения порядка. Были отдельные соглашения у России и с Туркменистаном, и с Киргизией. Однако в течение 1995–1998 годов российские войска и пограничники были выведены из этих республик. И вот теперь – возвращение в **Центральную Азию**.

Любопытно, что по базам у Путина теперь счет “два к одному”. За годы его президентства Россия отказалась от двух военных баз за рубежом – в Камрани (Вьетнам) и в Лурдесе (Куба). А теперь одну базу Путин создал в Киргизии. И, надо признать, здесь есть четкая логика. Это как в кризисном менеджменте. Прежде чем фирма начнет двигаться вперед, надо кому-то расчистить старые завалы, избавиться от всего лишнего, ненужного. Ну зачем России в современных условиях базы во Вьетнаме и на Кубе? А вот в Киргизии – совсем другое дело.

Когда в 2001 году военные США пришли в Центральную Азию, часто говорили, что Россию вытесняют из региона. Зачем теперь Москва, если есть американские базы в Ханабаде (Узбекистан), “Манасе” (Киргизия) и Кулябе (Таджикистан). Однако сегодня все отчетливее впечатление, что наращивание присутствия России в Центральной Азии выглядит как результат договоренностей Москвы и Вашингтона. Речь может идти о разделе сфер влияния.

Американцы наверняка отдадут себе отчет в том, какие издержки может принести им присутствие в Центральной Азии при осторожном отношении к этому России и Китая. Поэтому всегда проще договориться. Грубо говоря, речь может идти о типичном обмене. Россия отказывается от прежних советских имперских претензий и в знак этого сворачивает базу на Кубе. Взамен США признают особую роль России в зоне ее ответственности. Что-то вроде региональной сверхдержавы. И не случайно визит Путина в Киргизию последовал после визитов в Китай и Индию. Это еще два претендента на роль региональных сверхдержав. В том новом мировом порядке, который формируется у нас на глазах, Россия, Китай и Индия объективно просто необходимы друг другу.

Есть еще одно важное обстоятельство. Несмотря на всю риторику

об **антитеррористической операции**, хорошо заметно, что основная идея всех основных действующих геополитических игроков заключается в том, чтобы ограничить рост и амбиции быстро растущего мира ислама. В Индии Путин сделал предельно жесткое заявление против Исламабада, нашедшее полное понимание в Дели. У Китая есть свои проблемы с исламскими движениями в Синьцзяне. С позицией США тоже все ясно. Проблемы с миром ислама – это та база, которая объективно объединяет позиции США и западного мира с позициями России, Китая и Индии.

Но главное, что становится совершенно очевидным, – Россия возвращается в Центральную Азию. Можно вспомнить слова, которые Путин сказал Президенту Белоруссии: “Россия так много отдала за последние десятилетия, что вопрос об “отдавать” не стоит. Мы будем брать, но в рамках договоренностей и международных соглашений”. В этой фразе, по-видимому, суть новой политики России.

Султан Акимбеков, “Континент”, № 24, 2003